

Гульчера Быкова

Гульчера Вахобовна Быкова — доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, директор научно-методического Центра лингвистики и межкультурной коммуникации Благовещенского государственного педуниверситета. Она автор целого ряда научных работ по лингвистике, в том числе монографий, учебных пособий и словарей. Как языковед за научный вклад и всероссийскую известность внесена в международную, всероссийскую и две региональные энциклопедии.

Рассказы Г. Быковой печатались в литературных альманахах «Амур» и «Приамурье» в 2004–2010. В 2012 в издательстве «Зея» отдельной книгой вышел её роман в рассказах «Ника из созвездия Козерога».

Рассказы

Дед Петюня и брокер

— Слышь, Саня, завтра маманя приезжает...

— Ну?

— Да она... это самое... погонит тебя...

— Может, пожалеет?

— Плохо ты её знаешь... Ума не приложу, что с тобой делать. Слушай, — нашёлся Василий, — а ты к Петру Иванычу, соседу нашему, подкати.

— Как это?

— Да очень просто. Он бобыль. Старуха два года как померла. Сын в Афгане сгинул. Ни детей, ни родных, один как перст. А дом, скажу тебе... С нашим не сравнить. И, заметь, тоже под снос.

— Как это — под снос?

— Деревня! Карту купи! — засмеялся сослуживец. — Дом снесут, а старику и всем, кто с ним прописан, квартиру в многоэтажке дадут. С ванной, с отоплением, с газом. Красота! Петру Иванычу первому дадут — вот увидишь.

— За какие заслуги?

— Ты не смотри, что он старый сморчок и молодые его Петюней кличут. Это он сейчас такой — усох, облез... Он знаешь каким бравым был! Берлин брал. На Параде Победы немецкий штандарт к Мавзолею швырял. У него наград — как у нашей дворняги блох. Одних орденов — мать твою, скажу тебе... Красного Знамени, Красной Звезды, Славы третьей степени... Медаль «За отвагу»... Маманя и все дедки-бабки, соседи наши, его Петром Иванычем величают, даже кланяются при встрече.

Ушлый Саня приободрился. В город к армейскому другу Василию он приехал из родной деревни, куда вернулся после дембеля. Деревенька затерялась в

лесистых сопках среди разбитых просёлочных дорог, непролазных в межсезонье, и была у него там одна перспектива — копать всю жизнь в земле.

С детства трудолюбивый и покладистый, после призыва Саня быстро усвоил главный армейский принцип: солдат спит — служба идёт. «Бери больше — бросай дальше» — эта байка не про него. Он-то быстро смикитил, что шофёрские корочки на халяву — ни в армии, ни на гражданке не помеха. Подал рапорт, потом ещё... А тут, на удачу, и распределение в учебку пришло. Выучился на водителя. Сначала на хлебовозке продукты по заставам развозил. Освоился — начпрода стал на «газике» раскатывать. Утром увозит его с женой на склады — и спит до обеда в машине под вязом. Выспится — едет на дамбу купаться. После обеда везёт начальника к любовнице, в санчасть. Любовь-морковь у них часа на три, не меньше, а у Сани классика — послеобеденный сон.

За два года так наловчился дурака валять, что на родном подворье не захотелось спину гнуть. Избегая глядеть в глаза отцу и матери, мямлил про город, специальность, семью...

— Так в колхозе сколь техники! — недоумевал отец. — Хоть на комбайн, хоть на трактор, хоть на грузовик садись. Председатель давно про тебя спрашивает.

— Варька все глаза на наши окна проглядела, — вторила простодушная мать. — Чем не пара? Вы ж с детства дружили! Какая ещё семья заладится — любо-дорого!

Но Саня твёрдо нацелился в сторону большого города. И, отбив, как положено дембелю, недели две у родителей, наострился к сослуживцу в областной центр. Уехал, как сбежал. С родителями не попрощался — мать ещё затемно ушла на дойку, отец заступил на сутки в кормоцех. Записку оставил: мол, не судите, рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше...

— А вот и Петюня. На ловца и зверь бежит! Это он за хлебом в магазин поковылял. Прибарахлись в военку — он любит солдат, — засуетился хитроватый Василий.

— Да в деревне у меня военка-то! — засокрушался Саня.

— Что ж ты так! — укорил дружок.

— А на кой она мне в городе?

— Возьми мою по такому случаю, — расщедрился товарищ. — Иди скорей в дом, она в моей комнате, в шкафу

— Слушай, ты не уходи. Дед же тебя знает? — заволновался Саня.

— Как облупленного, с детства, — успокоил Василий.

— Значит, и мне поверит, — бросил на ходу Саня.

— Резонно, — согласился товарищ, — Давай — мухой! А я покурю пока.

Прошло полчаса. Друзья, сидя на скамейке у калитки дома Василия, смотрели на возвращающегося старика. Тот часто останавливался, опираясь на палку. Пережидал, когда расхолодившееся сердце угомонится, отпустит спину, отойдёт онемевшая рука — она после ранения на Висле так и не разгибается до конца.

— Чё замешкался? Действуй! — подтолкнул переодетого Саню бывший сослуживец. Тот кинулся к пожилому человеку.

— Давай, дедушка, помогу. Сумка-то, поди, тяжёлая?

— Чижёлая, мил человек. Мне теперь всё чижёлым кажется. Силы-то не те. Как из дырявого ведра силушка моя утекает. А ты чей, хлопец, будешь? Чтой-то не припомню.

— Это мой друг. Вместе служили, — вскинулся Василий.

Старик внимательно посмотрел на парня в солдатской форме. Глаза его потеплели, разгладились морщины на лице. Он протянул сумку и сказал:

— Однополчанин, стал быть? Дай-ка присяду, отдышусь малость. Ты торопишься, хлопец?

— Нет, — сказал Саня и помог трясущемуся старику сесть на скамейку рядом с Василием.

— Пенсию принесли. Скорей надо продуктов набрать... Да схватить куда... А то когда теперь дадут...

— А от кого прятать-то? Вы разве не один живёте? — удивился Василий.

— Живу-то один... Да только есть желающие поживиться за чужой счёт, — горько сказал старик. Поник белой головой, ссутулился.

Друзья недоумённо переглянулись.

— А кто вас обижает?

— Есть такие. Жардеев, пьянь перекатная, с зятем... Оне вон за тем поворотом живут. Повадились ко мне за деньгами. Аккурат, как пенсию принесут, вечером и заявляются. Перевернут всё — награды ищут.... Потом пенсию забирают — и поминай как звали. Что успею купить, на том и держусь месяц. А ордена-то свои и сыновы я надёжно спрятал.

— Пётр Иваныч, — угадал подходящий момент Василий, — возьмите на постой Саню, сослуживца моего. Он в обиду не даст. И по хозяйству подсобит — забор поправит, дров наколет... Мало ли?

— Взять-то можно, места полно. Да только с добром он али с худом? — старик тревожно всматривался в лицо незнакомцу.

— Ну что вы! — с готовностью подхватился Саня. — Да я... да чтоб мне счастья не видать! Чтоб пусто было, если обижу!

— Ну лады, паря. Пойдём, коли не шутишь... А про счастье-злосчастье до поры не зарекайся...

Друзья переглянулись, довольные смотринами. Саня подхватил сумку с продуктами, помог старику подняться со скамейки, и они двинулись к его дому. Вошли через покосившуюся калитку во двор, поднялись на крыльцо и оказались на просторной светлой веранде. В тёплое время года она служила хозяину летней кухни. Здесь стояла газовая плита, стол с деревянным шкафчиком для посуды над ним, пара табуреток и неширокая кушетка, где старик отдыхал в полдень. Иной раз и к вечеру прикладывался: слабость накатывала внезапно, ноги подкашивались, кружилась голова, и старик впадал в забытьё. На ночь он уходил в прохладный дом, запираясь на крепкий засов изнутри. Ставни в жару не открывал вовсе.

Обессилевший с дороги, Пётр Иванович едва добрался до кушетки и провалился в сон. Он не видел, как Саня зажёг газ, нашёл в углу ведро с картошкой. Открыл банку тушёнки — из половины сварил суп, а оставшуюся пустил на макароны по-флотски, предварительно обжарив с луком. Получилась вкус-

нятина. Вскипятил чай и присел на табурет. За окном отцветали, роняя лепестки, старые яблони. Некопанный огород затянуло мокрецом.

Он на цыпочках вышел на крыльцо, огляделся. Красота-то какая! Вон там, за сопками, его родная деревня. Но и здесь, на окраине города, под сенью старых черёмух, — сельская тишина. Завернул за дом и оказался в саду. Он всё больше ощущал себя хозяином крепкого когда-то подворья. Работы здесь невпроворот, руки просят за дело. Уложил свалившуюся на дорожку поленницу, поправил покосившуюся калитку, нарвал в палисаднике зелёных перьев батуна. Сходил на колонку за водой и с полными вёдрами поднялся на веранду. Старик проснулся, но продолжал лежать — приходил в себя.

— Садитесь, деда, обедать, — позвал гость. Налил в миски пахучего супа, припорошил его первой весенней зеленью, подогрел макароны и выложил на тарелки. Сели. Бледно-голубые, выцветшие глаза старика потеплели. Он с аппетитом ел наваристый бульон, прикусывал то хлебом, то макаронами. Иссохшие руки словно просвечивались и слегка подрагивали.

— Вы ешьте хорошенько, а то откуда силам взяться? Ешьте да спите больше. А я всё сделаю. И огород вскопаю. Семена у Василия возьмём или из дома привезу.

— Откуда сам будешь? — спросил хозяин. Его всё ещё терзали сомнения, душа тревожилась, но он не стал к ней прислушиваться. Так намучился одиночеством, страхом и бессилием, которое невесть откуда накатывало.

— Из деревни я. Здесь недалеко, — ответил Саня. — Отслужил недавно. В армии шоферил... Не смог дома устроиться, пришлось в город прибиваться, — выдумал он на ходу и отвёл глаза.

— Да-а, совсем дело плохо, если в деревне-матушке работы не стало, — задумчиво произнёс старик. — Когда такое было?

— Нечего там делать, — не моргнув, солгал снова парень, вспомнив отца и мать, которые гнулись с темна до темна.

«Это хорошо, что деревенский, — подумал Пётр Иванович. — В селе люди порядочнее, добрее. Да есть ли у меня выбор? А он, глядишь, защитит, поможет... Сил-то совсем не стало...» Поразмышляв немного, произнёс:

— Ну что, хлопец, переезжай ко мне, а там видно будет...

— Да я... да я... — не находил слов обрадованный парень, — я платить за постой буду. Сколько скажете. И помогу... И защиту...

— Да не надо мне с тебя платы. Живи так. Места — эвон сколько...

— Деда, а прописаться у вас можно? А то ведь на работу без прописки не возьмут, — заюлил Саня, хотя уже работал и был временно прописан у Василия.

— Можно, отчего ж нельзя? — просто сказал старик.

Обрадованный, Саня метнулся к другу, собрал вещички, тем же разворотом вернулся обратно — и услышал на веранде голоса. Тихо поднялся на крыльцо, заглянул в приоткрытую дверь. Старик был не один. Рядом с ним на кушетке сидел патлатый мужик. Другой, помоложе, шарил рукой под клеёнкой, куда дед хоронил пенсию.

— Ну что — фиг с маслом? — спросил патлатый.

— Сховал чёрт старый куда-то...

Патлатый схватил старика за грудки, потрянул его и заорал:

— Где пенсия, старый хрыч? Умыкнуть надумал?

— Да мы тебя в бараний рог согнём, герой ты наш, — хищно оскалился молодой.

Саня в три прыжка пересёк веранду и скрутил патлатого. Тот заблажил с перепугу:

— Кто такой? Вали его, Митяй!

Но крепкий Саня, не выпуская рук обидчика, откинул ногой подскочившего ворюгу. Тот взвыл и ломанулся к выходу.

— Запомни, козёл, — почти шёпотом сказал разъярённый Саня, — ещё раз увижу здесь, будешь иметь бледный вид и макаронную походку. Старика в обиду не дам. Он, сука, за нас с тобой с фашистами воевал, а ты его грабить?

Саня вытолкал перепуганного обидчика на крыльцо и пинком спустил со ступеней. Тот вскочил и, виляя по двору, как заяц, кинулся наутёк.

И в доме демобилизованного сержанта Петра Ивановича Воронцова жизнь пошла по-новому. С вечера Саня воды с колонки принесёт, печь в доме протопит, чтоб сыростью не пахло, обед на завтра приготовит. В полдень заезжает на грузовике перекусить. Пётр Иванович к этому времени всё разогреет, чай вскипятит. Садятся за стол.

Вечером истомившийся от одиночества старик ждёт Саню у калитки. Потом вместе копаются на огороде или в саду. Ужинают, телевизор смотрят, газеты листают. Хозяин рассказывает о войне, о сыне, о боевых товарищах. Саня слушает, не перебивает... Сомневается молча: неужели такое можно вынести? Да и было ли всё на самом деле, не байки ли?

Работал он в фирме, которая начала поставлять продукты из Китая. Привозил коробки с диковинной лапшой. Её и варить не надо: залил кипятком — и готово. Появились в доме пакеты и пачки с яркими наклейками. Из Поднебесной квартирант без гостинца для старика не возвращался. Пётр Иванович окреп, поправился, повеселел. Даже вроде как помолодел. На постояльца не нарадуется, привязался к парню, как к родному. Так и окликал его — сынок. Саня отзывался...

Между тем расторопность и предприимчивость бывшего армейца приглянулись начальнице. Она перевела его в контору менеджером по продажам. Дела у парня пошли в гору. В армии мечтал о мотоцикле «Урал», а теперь приобрёл подержанную «Тойоту». Поездил, покрасовался, потом продал и купил машину попрестижнее — джип «ЛэндКрузер». Стал крутым, преуспевающим, уверенным в себе. Пообтёрся на рынке. Понял, как шальное бабло рубить, то есть бабки из ничего делать. И на пару с Василием — чем они хуже? — открыл собственную брокерскую фирму. Бизнес у друзей процветал.

К родителям ездил редко. Варька такой красавицей стала! Однажды пошёл провожать... Дело молодое, горячее...

— Хорошо сеном пахнет, правда, Шурик? — прошептала девушка, прижимаясь к нему.

— Трава да и трава сухая... — полусонно отвечал он. — Почему не сказала, что я у тебя первый?

— Так я в школе в тебя влюбилась. Теперь ещё сильнее любить буду.

— Чудачка. Байки это всё — любовь. Сейчас сэкс в моде. И чтобы это... без последствий.

— Без чего? — не поняла девушка.

— Без киндеров. Ну без детей. Деревня, карту купи!

И захрапел, а Варька заплакала...

Ударили первые морозы. Запахло в деревне свежиной. В каждом подворье — вкусный праздник. Ждали Саню, да он не приехал: дела. Партнёры торопят, поставки увеличиваются. Решили мясо из Китая возить — там оно куда дешевле местного. А навару вдвое-втрое больше. Шальные деньги! Торговцев своих только поставить, чтобы привозное мясо за здешнее выдать. Поди отличи! Мясо — оно и в Африке мясо.

Идут по рынку с Василием и московским представителем, а в мясном ряду — его мать с Варькой стоят. Свиной торгуют. Саня отвернулся, сделал вид, что не узнал. Неудобно как-то перед столичным партнёром. Слышит вслед:

— Шурик, сыночек!

И головы не повернул. И в деревню — ни ногой. Не до того.

Минула снежная зима. Приехала как-то мать. Днём по магазинам да в китайские ряды сходила, прикупила приданое для новорождённого. Вечером к Петру Ивановичу явилась. Саня был дома не один — с долговязой накрашенной девицей в обтянутых джинсах и яркой кофте. А ногти — длиннющие да синие, как у мертвячки. Батюшки-светы! Как же это она с имя стирает да готовит? Но виду не подала. Улучила момент и зашептала:

— Шурик, а у нас внук.

— Откуда — от сырости?

— Так ведь Варенька родила сыночка. Вылитый ты.

— Ну что вы, мама, выдумываете? Желаемое за действительное выдаёте! — зашипел он, оглядываясь на дверь, куда вышла долговязая.

Утром мать уехала, не попрощавшись.

Перебирал Саня девок, пока с Зиной не встретился. Китайским худобно владеет, на рынке как рыба в воде, знает, где купить подешевле да продать подороже. То, что сейчас надо!

— Переходи ко мне. Дед не против.

— Только не в деревняшку, — отвечала капризная Зинка. — Доходягу твоего мне на дух не надо!

— А что? Дед Петюня нормальный старик. Орденосец. Мы с ним два года вместе.

— Фу, он старый, от него воняет, — морщила нос девица.

— С чего ты взяла? Аккуратный, чистоплотный. В баньке паримся каждую неделю. Одежду — его и свою — сам стираю в «Малютке».

— Фи, не терплю немощных! — стояла на своём девица.

— Привыкай. Через месяц дом сдадут — переедем в «двушку».

— Думаешь, я за ним ухаживать буду? Не дожётся. А что двухкомнатная — это хорошо придумано. Молодец!

— Как же быть? — совсем растерялся Саня.

— Поживём — увидим... Квартиру на тебя оформили?

— На меня. Старик распорядился. Ты мне теперь за сына, сказал. И подписал все бумаги.

— Тогда всё окей! Живи проще, дыши глубже, и люди к тебе потянутся! — засмеялась довольная Зиночка и хитро сощурила покрашенные подслеповатые глазки. Она носила линзы.

— Какая ты умная, Зиночка! С тобой не пропадёшь! — восхитился Саня.

Глубокой осенью брокер с молодой женой переехал в новый дом. Обещал и Петра Ивановича забрать, как квартиру обставят и порядок наведут. И дед послушно ждал. Жизнь неумолимо уходила из него, как полая вода в сухой песок. Однажды утром не смог встать, растопить печь, сходить за водой. Закончились продукты. В доме стало невыносимо холодно. Теперь он ходил по дому в стёганом пальто, шапке-ушанке и валенках, в этом всём и спал, укрывшись двумя ватными одеялами. Обнаружили замерзающего рабочие, приехавшие разбирать дом. Старик скорчился под одеялами, прижимая к груди драгоценный свёрток.

— Ты откуда здесь, дед? Мы ж тебя под трактор чуть не пустили!

Старик молчал.

— Что у него там? — заинтересовался подоспевший тракторист.

Развернули свёрток и ахнули: боевые ордена! Медалей куча — «За взятие Берлина», «За освобождение Праги»...

— Звони в военкомат! Наверняка его знают.

Позвонили в городской комиссариат. Там оперативно навели справки и назвали новый адрес героя-ветерана. Строители соорудили носилки и понесли беднягу в девятиэтажку. Из указанной квартиры на седьмом этаже гремела музыка. Здесь шумно праздновали новоселье. На стук вышла расфуфыренная Зиночка и замахала синими ногтями. Следом выскочил брокер. Сообразив, что это посланцы военкомата, быстро закрыл двери в зал и велел занести старика в спальню. От яркого света и гама гостей тот пришёл в себя. С трудом открыл глаза. Наклонившемуся над ним Сане прошептал:

— Сынок, я знал... Верил — ты придёшь. Пить...

— Давай живей! Гости ждут, — заторопил Саню захмелевший Василий. — Куда его? На кровать?

— Да ты что? Зина заругается!

Так, в пальто, ушанке и валенках, уложили старика на пол в узком проходе около батареи за двуспальной кроватью. И закрыли дверь.

— Он пить просил... — вспомнил Саня.

— Не маленький, потерпит, — отмахнулся Василий.

Новоселье продолжалось до утра. От тяжёлого рока и топота пьяных гостей многие в нашем доме не могли уснуть. Стучали по батарее, в стены, в дверь — бесполезно. Лихие соседи — новые русские — слышали только себя.

А сержанту Воронцову чудился бой. Где-то рядом гремела канонада, топали и кричали солдаты, рвавшиеся в атаку. А потом стало жарко. Нестерпимо хотелось пить. «Блиндаж, должно быть, горит, — решил сержант. — Надо пробираться к выходу». Собрав последние силы, пополз. Упёрся во что-то и позвал на помощь. Боевые товарищи где-то рядом, они помогут. Дадут воды, воды...

Утром в нашу дверь постучали:

— У вас труп? — спросила врач скорой помощи.

— Нет, что вы! У нас все живы-здоровы, — испуганно отвечала я.

— Это двадцать шестая квартира? — уточнил санитар.

— Нет, это рядом, — сказала соседка из квартиры напротив.

Вскоре вынесли на носилках старика в ушанке, стёганом пальто и валенках. Следом шла врач и возмущалась:

— Не могли раздеть пожилого человека! В квартире — жара двадцать пять градусов. Да ещё двери в комнату закрыли. Уморили несчастного!

Хоронили боевого сержанта Петра Ивановича Воронцова из ритуального зала. Почти до порога вытянулась вереница солдат, державших на красных подушечках боевые ордена умершего и его сына. Военком так распорядился. У гроба стояли офицеры комиссариата и хмурый Саня. «Жаль, ордена в военкомате останутся, — досадовал он. — Вот упрямый старик. Так и не сказал, где награды прятал. За них в Китае я приличные деньги выручил бы». Военный оркестр играл «Прощание славянки».

И зажил брокер с Зиной припеваючи в новой квартире. С ванной, с тёплым туалетом, с отоплением, с газом. Красота!

Через год задумал Саня купить крупную партию мяса. Взял большой кредит под залог квартиры и машины. Рассчитал: продам дармовой товар, расплачусь с банком и в прибыли останусь — дело верное. Зинойкины поставщики прислали несколько фур дешёвой замороженной свинины. На таможне груз арестовали: мясо оказалось просроченным. Квартира и машина отошли банку за долги, а Санину фирму объявили банкротом.

— Бог не Микитка — на пороге не стоит, а всё видит, — говорили одни соседи.

— Как пришло, так и ушло, — подытожили другие.

Письмо на тот свет

Вот такие здесь, в Лебедянке, зори — и утренние, и вечерние — глаз не отве-сти. Полыхнёт в полнеба, озарит алым сполохом... И ахнет вдруг, замрёт на пол-пути к хлеву хозяйка. Притихнут ребятишки-непоседы. Да и мужики, глядя на зарево, постоят, головой покачают, прежде чем снова приняться за дела, которых в селе хоть пруд пруди. Перед этой неземной красотой затеплится, встрепенётся, зазвенит-запоёт, а то и застонет чья-то душа. Не хлебом единым жив человек...

Потому и любила Марья встречать восходы и закаты, а ещё на сполохи любоваться (их на селе зарницами называют). В эту пору наливаются, вызревают и волнуются окрест хлеба. Да так, что дух захватывает!

Под венец короткого амурского лета встретила Марьюшка в поле свою судьбу. Привезла вместо заболевшей поварихи обед в бригаду, тут-то и приме-тила синие, как васильки во ржи, Ивановы глаза. И ему приглянулась стройная, белолицая, синеглазая девушка. Спросил напарника:

— Чья такая? Из приезжих?

— Севастьян не узнал своих крестьян... Разуи глаза!

— Неужто... Маришка?!

— Она самая, — засмеялся напарник. — Пока ты в морпехе мышцы качал, она и расцвела. Помнишь, какая тощая да конопатая была? А теперь ишь — как берёзка в поле, и щёки что маков цвет. Зареченские парни глаза плят, а уж про наших и говорить нечего. Гляди, прозеваешь — засватают, это уж к бабке не ходи. Сам бы приударил, да ты же знаешь...

— Знамо дело, тебе и свадьбу, и крестины зараз гулеванить. Ну зато дешевле сабантуй обойдётся, — съехидничал сезонный копнильщик, сельский бобыль по прозвищу Нелюдь.

— Не твоя печаль, старый пень, — незло огрызнулся парень. — Тебя ж всё одно никто не пригласит.

Сельчане чурались одинокого старика за церквоубийство. Рассказывают, мальчонкой, когда церковь рушили, это он влез на самую маковку и петлю на верхнюю башенку набросил. Дёрнул его полупьяный отец за верёвку трактором, башенка-то с крестом и рухнула. И не стало в Лебедянке церкви...

А следующей зимой, когда сено с острова перевозили, провалился трактор в полынью вместе с хозяином, которого за разрушение местной святыни стар и мал Нелюдем стали звать. Утонул, а прозвище осталось, к сыну прилипло... Через несколько лет жену утопшего нашли за деревней замёрзшей: пошла вечером к соседям за молоком, а от них ушла в другую от дома сторону. «Нечистый водил», — сказали одни. «Кикимора кружила», — решили другие. Похоронили абы как. Осиротевших детей в детдом увезли.

После армии вернулся молодой Нелюдь в заколоченный родительский дом. Зная нелюбовь односельчан, сватался на стороне, да только жёны у него не задерживались — сбегали. Решил слух распустить, что он колдун. «Да какой из него ведьмак? Сам же и сбрыхнул», — быстро раскусили Нелюдя в деревне, но всё же опасались и сторонились. Так и остался бобылём неприкаянным: ни Богу свечка, ни чёрту кочерга.

...Поздней осенью, как с уборкой и взмётом зяби управились, начались в колхозе свадьбы. Сыграли свою Иван и Марья. Красивых слов про вечную любовь не говорили, но зажили душа в душу, с уважением и друг к другу, и к родне. В крепком по тем временам колхозе молодожёнам обычно дом строили, выделяли по тёлке и свиноматке. Дровами и сеном обеспечивали и вступивших в брак, и ушедших на заслуженный отдых. Да, было такое в далёкое советское время...

Первой в семье Захаровых родилась девочка, которую назвали в честь свекрови Тamarой. Марье не по душе было это имя (свекровь была жадная и высокомерная), но перечить мужу и родне не решилась. Кроткая, покладистая, Марья как-то уживалась и с надменной свекровью, и с её многочисленной родней. Потом один за другим появились сыновья-погодки, а через одиннадцать лет и самый поздний — белоголовый синеглазый Василёк, последыш — любимец семьи.

Материнское сердце вешее. Бывало, перед сном станет Марья молиться за каждого, а как до младшенького черёд дойдёт, душа занает вдруг, растревожится, будто падает с крутого обрыва в пропасть. Молится, молится Марья, просит у Бога милости каждому, чтоб ни в чём не нуждались, чтобы жить им не тужить, чтоб охранил Господь от болезней и скорбей, от нечистой силы, от внезапной смерти, от лихих людей, от тюрьмы да от сумы. А то вдруг сон недобрый вспомнится... Не сдержится, станет о своих тревогах мужу говорить, а тот успокаивает:

— Ну с чего ты взяла, что Васильку худо будет? У него мы с тобой, родни вон сколько, братья...

— Ну а как со мной что случится? Ведь мы, Ваня, не вечные...

— А сестра на что? Она ж ему — как мать, прямо дрожит над ним.

— И то верно, он без неё и часу прожить не может, за мной так не гоняется, как за ней...

— А мы с тобой разве худо живём? Дом и хлев — полная чаша, «Жигули» на дворе, два мотоцикла. Вот старших в армию проводим, по дому каждому справим. Сам срублю. С председателем насчёт земельных участков и брёвен договорился. Остальное потихоньку прикупим. Им — по дому, а Василий с нами будет. Он здесь прописан, ему и подворье со всем, что нажили. С ним и старость коротать станем.

— А Томочка как же?

— Что с неё взять — она девка: заневестится и выпорхнет из гнезда. Про неё муж подумает, а мы поможем.... Сейчас только ленивые нуждаются, а кто работает, тому и колхоз, гляди, как помогает. Сравни, как родители наши жили и как мы теперь, — душа радуется. А дети будут жить лучше нас. Это закон жизни.

— И то верно, как же по-другому, — успокаивается Марья.

Прошли годы. Отслужили и справили новоселье братья, вышла замуж и уехала в соседнее село Тамара. Василёк рос добрым, весёлым парнишкой, и отцу, и матери по хозяйству первый помощник, только вот учёба в школе у него не ладилась, хоть плачь, сплошные двойки, особенно по русскому. Кое-как закончив восьмой класс, пошёл работать на ферму.

Наступали смутные времена. Одни хвалили перестройку, другие хаяли. Так искони ведётся: полмира плачет, полмира скачет...

Вот и Василия проводили в армию. Вернуться ему пришлось в краткосрочный отпуск, чтобы мать похоронить. Живой не застал. Говорят, последние слова её о Васильке были. Христа ради просила умирающая сыновей и дочь: «Он страдалец за весь наш род. Не оставьте его в беде».

Жалко было смотреть, как маялся растерявшийся от горя отец. Опустел, потемнел, осиротел дом, будто душу из него вынули... Не стало матери — молитвенной заступницы, и закружила, завертела Василия судьба, та, что на роду, говорят, каждому писана... На чужбине хотел длинный рубль заработать — обманули. Пытался найти управу на мошенников, да сам и угодил в тюрьму. Освободился, приехал к отцу. Тот последние годы доживал. Крепкий ещё недавно колхоз на ладан дышит, работать негде. Перебивались на отцовскую

пенсию, а как тот слёг, стало совсем худо. Жить-то надо... Василий собирал по полям да фермам старый металл. Не подумав, прихватил обронённый кем-то бидон. Не знал, что накануне с фермы все молочные фляги и молокопровод воры вывезли. Радовался находке, будь она трижды неладна.

Кто поверит бывшему зэку, что флягу не украл, а нашёл? С ходу чужую вину на бедолагу повесили. Отца, который один правду знал, и слушать не стали. Он на суде был, плакал всё время, а потом слёг и больше не поднялся. Снова зона, теперь уже на своей земле — всё легче, чем на чужбине срок мотать. Правда, никто так и не приехал на «восьмёрку» навестить — ни братья, ни сестра. И гостинца ни разу не передали, хотя двое односельчан с ним сидели, так их родные проведывали.

Освободили Василия условно досрочно за хорошее поведение и трудолюбие. Приехал — а дом родительский занят. Стал справедливости добиваться, в прокуратуру, в милицию пошёл — отмахнулись, написал в районную администрацию, прокурору, судье... Куда только ни обращался со своей бедой — никто и не подумал вступить. В отчаянии написал он письмо матери... на тот свет.

«ПИСМО»

Здравствуй мама. Давно тебе не писал. Скучаю по тебе, часто разговариваю, а вот написать в голову не приходило. Говорят вы всё там про нас знаете, всё видите. В Тюреме попалась мне книжка американского врача про больницу, где после аварий людей оживляли. Ну один доктор и давай записывать, что воскресшие видели када мёртвыми были, по медицински это клиническая смерть называется. А ожившие-то, как сговорились, одно и то же толкуют. Выходит и после смерти люди существуют. Мёртвых нельзя беспокоить... Мама, я устал бороться, устал скитаться, я нехочу совершать преступление, но мне так хочется взять в руки автомат и не выпускать с рук пока не престрелят, а это скоро случится терпению есть конец да и терять мне нечего, что было и то забрали, а отдавать и возмещать никто нехочет. Здесь такое братство в судебной и правоохранительной власти, так вертухаи зажрались что не токо закон забыли, они и совесть мироеды просидели на стульях, в тепле в светле и мухи не кусают, оклады есть, взятки дают, и водку вместе жрут и покрывают друг друга. Им не до таких как я. Остаётся как шахиду пойти и взорвать себя вместе с судьями и прокурорами, которые не власти ни законов не придерживаются и не понимают. А дело вот в чём. С дня освобождения живу я теперь не в нашем доме, а на краю села, по соседству с Нелюдем. Он старый совсем стал, больной, перебивается с хлеба на воду, как и я теперь. Привет тебе передаёт. Хотя проживал и должен проживать я по улице Заречной 42, где жил с вами. Дом после смерти отца остался мне, так как братья и сестра проживают отдельно и своими семьями. В 1997 году 10 марта меня посадили в тюрьму на четыре года. Квартира моя была под присмотром братьев Степана и Тимофея, которые проживают рядом с моим домом, токо один с лева живёт, а другой с права. Да ты знаешь. Сестра она теперь Курдюмова Тамара проживает в соседнем селе ул. Крестьянская 3/2 и которой я не оставлял на присмотр квартиру, как это она

теперь говорит. Меня с сестрой токо одно связывает это то что из одной шахты мы родились, в остальном мы теперь чужие люди. Но на мою квартиру она Курдюмова Тамара положила глаз и неоднократно хотела выбить с под меня квартиру. У меня двух квартирный дом — здоровый и прожить в нём я смогу смело 20-30 лет, мне ещё 42 года. Когда я с Тюрьмы поехал в отпуск домой 26 апреля 2001 года то в моей квартире проживали квартиранты Тищенко Рая она и счас проживает здесь в Лебедянке. Я квартирантам Тищенко Раисе сказал живите пока я не освобожусь с тюрьмы. А получается вот что. Курдюмова Тамара перевозит с другого района свою сваху Шиповскую. Сын женился и родителей невесты Тамара решает переселить их в Лебедянку. В Лебедянке Шиповской дали квартиру в данное время я живу в ней правда не знаю когда она завалится может я дотяну пока отваюю свою. Но факт. Сестра Тамара пишет мне в зону письмо в котором указывает что председатель колхоза Зуйко Иван Иванович забирает мою квартиру и отдаёт её другим. И тут же мне пишет что? — Вася, чтоб квартира твоя не ушла к чужим людям я лучьше заселю туда свою сваху Шиповскую.

Я ей ответил — что валяй как хочишь и кого хочишь заселяй здесь я немогу ничего сказать если председатель заберает квартиру. Я думал выйти и подать заявление в суд на председателя колхоза. Но здесь получается каломбур. Я освободился в апреле по УДО (условно досрочно). Приежаю домой. Но дома у меня выходит нету. Сестра моя и её сваха Шиповская привели меня в этот дом рядом с Нелюдем, в котором проживала Шиповская, и я зайдя в дом оглох, печка на половину разобрана, короче квартира эта была брошена и без примотра. Ее разтощили кто что мог. Но Курдюмова Т. И. моя сестричка сказала мне что скажи спасибо что хоть такую тебе сохранила. Но так или иначе мне пришлось смириться с судьбой я ведь думал что квартиры меня лишил председатель колхоза. Сам сложил печку, что мог подремонтировать зделал тойсть пока живу. Ты, мама не знаешь, как смотрят на этом свете на судимых и как их бирут на работу. Ну так или иначе то у Фермеров подрабатывал, то зарабатывал строительством, я люблю строительством заниматься и есть соответствующие документы. Я нехочу больше в Тюрьму. И так я 15 лет провел там и хочется пожить как все люди без кременала, без страха в душе. Но здесь не получается. Пошёл в колхозную контору к председателю колхоза Зуйко И. И. который и открыл мне глаза. Он мне говорит. Василий, я твою квартиру родителей не забрал, сестра у тебя хороший камедиант. Я обратился тогда к своей квартирантке Тищенко Раисе — которая мне пояснила, что не успел я уехать с отпуска в Тюрьму Курдюмова Т. И. тойисть моя сестра приехала и выгнала в наглуую квартирантов — а я ведь их оставил до своего освобождения на своих условиях и с своей договоренностью. Но Курдюмова их выгоняет, вселяет свою сваху Шиповскую, а мне пишет письмо что председатель колхоза забирает квартиру и получает мой ответ где я и пишу что если председатель заберает, делайте что хотите. Я в Тюрьме безсилен, освобожусь, будим судится. Вот я освободился, разобрался как меня сестричка обула технично, харизьму бы ей стерве начистить! Я подаю заявление в прокуратуру и лично отдаю прокурору Мохенко, который мне начал втирать дурака в ухо я мол ничего не знаю и я

это не решаю. Тада кто решает? Фильтруй базар! Прокурор мне советует ити в суд гражданский они мол занимаются выселением. Я ему объясняю вот мой паспорт с пропиской если б я был выписан, а то я в квартире своей прописан и это мой дом. Шиповская проживает в моей квартире без прописки без разрешения администрации колхоза Давайте выселяйте Шиповскую и здесь же пишу заявление на возбуждение уголовного дела на нанесение мне морального и материального вреда. Так как я полгода скитаюсь и от моего имущества не осталось ничего кроме старого шифонера и двух стульев. Кто перевозил вещи, что перевозили неизвестно. Серванта с посудой нету, нету телевизора, нету двух магнитофонов нету стиральной машинки, нету газовой плиты, электрической мечты нету, также нету постельных принадлежностей, даже нижнее белье тю-тю.... За всё про всё мне ущерб нанесён 50 тысяч рублей. Я прокурору Мохенко говорю ты счас сидишь в кабинете а я счас выйду и пойду к тебе домой и буду жить а ты придёшь домой там тебе рога будут, облом значит пойдёшь ты писать заявление в гражданский суд и будешь выселять меня через суд но до этого ты будешь жить в сарае и скоко ты будешь жить в сарае миня это не волнует и прокурор глаза вылупил клоуна из себя строит он думает умный а все бараны, вот так они мама стоят за справедливость. Кто на лапу сунет за тех и стоят. Какой судья и какие споры в чём базар если у меня паспорт на руках с пропиской а у Курдюмовой и Шиповской никаких документов и прав на мою жил-площадь нету. И пусть стервы чешут с моего дома, нето соляркой оболью и выскочить никому не дам вот так я их выселю и найду им жилплощадь на кладбище. Потом будет прокурор обвинять меня а выхода нет Наши прокуроры без-понтовые как и все остальные дармоеды. Да мама у меня есть полное право назвать их аморальным образом. Вот так они искариняют приступность. А я кто? — зек, меня надо к ногтю, а где живёшь хоть на свалке кому какое дело они в тепле, в светле и мухи не кусают, они с полными карманами денег, у них всё, а от нас им навару нету, одни праблемы.

Прокурор моё заявление отправляет в милицию там учестковый молодой 25 лет сапляку едит к Курдюмовой моей сестре о чём они там базарят незнаю. Но факт мне отказывают якобы на основании какого то письма на каком то моём разрешении. Я за ихним отказом две недели проходил пока крайнего нашёл. Никто вить ничего низнает, все на дураке ездят. С этим отказом иду к прокурору говорю вы что чудите какие мои письма, какое моё разрешение? Вызывай сюда прямо в кабинет к себе Курдюмову и Шиповскую, делай очною ставку и счас увидишь какие письма и где эти письма и какое я кому давал разрешение. Никто никого не вызывает, никакого дела не возбуждает, проверка никакая не ведётся и не велась. Пойдут к Курдюмовой та видимо аферистка битая всё сводит к нулю или кидает на лапу так что всё покрывается и утаивается.

Прокурор пишет протест на отказ о возбуждении уголовного дела и снова я жду когда свершитца чудо. Но чуда видима небудет. С 7 июля я жду выселения и разбирательства, вот наша вся власть и права человека! У меня нет никого и ничего, меня посадили за битон алюминиевый. Видима здесь не закон играет роль а статистика. За битон садят, а за то что квартиру захватили, выгнали моих квартирантов, с мебелью и вещами распорядились на своё усмотрение

и в ус никто недует. Эти сучки наглые для отводу глаз шифонер старый в эту квартиру перевезли и пару стульев, а сервант с остальными вещами сестрица распорядилась на своё усмотрение.

Даже брат Степан мне рассказывал, что Курдюмова тойисть моя сестра ходила к братьям и предлагала купить мои вещи куртки, штаны, и прочая. Братья сестре говорили нетрогай квартиру потому что она Васькина и он скоро освободится. А она послала их куда Макар телят не пас и произвела обмен надеясь на свои связи и блат в администрации. Но я мама прав. Я не уступлю ни Курдюмовой ни Шиповской, у меня силы воли хватит, счас заработаю денег куплю на рынке ствол так я хоть в историю войду потому что сидеть я нехочу и не пойду если пойду на приступление то до талого. Как говорят зачем я буду как бомж помирать вить меня они к этому подводят, но кто подводит тот и пострадает нету закона нету у нас прав будим забирать своё стоимостью собственной жизнью, мне терять нечего. А они здохнут от жадности и особенно от большого ума. Но на мне падаются. Прости меня мама за резкие слова, мне не страшно, я небоюсь помирать главное чтобы неболезнено, я устал так жить в тюрьме как волк и здесь на тебя смотрят как на собаку. Для убеждения написаного посылаю все атказы. Они мне эти бумаги не нужны, мне дом мой нужен и ружьё. Можешь проста почитать и выбросить, зачем лишняя трата времени лучше я их сажгу а там кого смогу перестреляю.

С уважением твой сын Захаров Василий».

Через неделю Василия арестовали и осудили за бродяжничество и самовольное вселение в собственный дом. Погорячился: ругал нецензурно захватчиц и оказал сопротивление представителю власти — участковому, которого вызвала сестра Тамара. Братья с детьми и жёнами, каждый со своего крыльца, смотрели, как всё было. И только старый Нелюдь метался по двору и растерянно бормотал:

— Люди! Человеки! Что ж вы делаете? Побойтесь Бога, смилуйтесь, не губите невинную душу...

— Пошёл вон, старый хрен! — зло толкнула его Тамара.

— Его эта хата. Вся деревня знает! — Он повернулся к толпе зевак: — Люди! Как же это? — По его грязному лицу текли слёзы, оставляя светлые дорожки на впалых щеках.

— Ой, гляньте, бабы, Нелюдь плачет! — удивилась какая-то молодуха и рассмеялась. Но никто не обратил внимания на её слова. Все жадно следили за происходящим.

В деревне-то нынче тоска зелёная, а тут — концерт бесплатный. Цирк, да и только...